КОЩЕЙ-БЕЗСМЕРТНЫЙ.

ТЕКСТЪ Д. МИНАЕВА.

РИСУНКИ Ф. ТЕЙХЕЛЬ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе: Книгопродавца-Типографа: Мавр: Осип: Вольфа

МОСКВА.

НАРОДНЫЯ
РУССКІЯ СКАЗКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ
ВЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ.

КОЩЕЙ-БЕЗСМЕРТНЫЙ.

Д. Д. МИНАЕВА.

РИСУНКИ

А. ТЕЙХЕЛЯ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 18, 19 и 20.

МОСКВА, на Кузнецкомъ Мосту, д. Рудакова.

СКАЗКА О КОЩЕѢ-БЕЗСМЕРТНОМЪ.

Жилъ-былъ прежде царь на свѣтѣ
У него же были дѣти,
Утѣшеніе царя:
Ровно три богатыря;
Молодцовъ такихъ едва ли
Вы когда нибудь видали —
По уму и по лицу...
Хоть веди сейчасъ къ вѣнцу.
Но и царь не старъ былъ тоже
И подумалъ: „отчего же, —
Такъ какъ я теперь вдовецъ, —
Не могу я подъ вѣнецъ
Встать съ невѣстой дорогою?
Заведусь женой другою!..."
Много думать царь не сталъ
И жену себѣ избралъ
Онъ изъ княжескаго рода
У сосѣдняго народа.
Свадьба сыграна была,
И молва вездѣ прошла,

Что царица мыслитъ мудро,
Что, какъ солнце, златокудра
И румяна, какъ весна:
Полюбилась всѣмъ она.

Такъ прошелъ медовый мѣсяцъ.
Разъ, въ свой садикъ, подъ навѣсецъ,
Вышла царская жена,
Ожиданія полна,
Скоро-ль царь домой вернется...
Ждетъ она и не дождется:
„Ужъ три ночи и три дня
Ты покинулъ, царь, меня!“
Царь же вмѣстѣ съ сыновьями
И съ различными князьями
Ускакалъ — и былъ таковъ —
На охоту на волковъ.

Зорька на небѣ алѣетъ,
Вечеръ розовый тускнѣетъ
И склоняется къ землѣ
Солнца шаръ въ румяной мглѣ.
Третій день идетъ къ исходу...
Какъ опущенная въ воду,
И недвижна, и блѣдна
Смотритъ царская жена
Черезъ садъ, на ту дорогу,
Гдѣ давно ужъ понемногу
Улеглась подъ вечеръ пыль,

Гдѣ одинъ степной ковыль
Только по полю несется
Да надъ стадомъ коршунъ вьется,
Да стоитъ угрюмый лѣсъ
На окраинѣ небесъ.
Вотъ и солнце въ горы сѣло . . .
А царица все сидѣла,
Опершись на локотокъ;
Съ бѣлой груди сползъ платокъ
И красавицей-царицей —
Молодой и круглолицей —
Любовалась лишь одна
Восходившая луна.
Тихо.:. Долго-ль, коротко-ли
Такъ смотрѣла въ степь и въ поле,
Нетерпѣніемъ горя,
И ждала къ себѣ царя
Одинокая супруга, —
Вдругъ пахнуло вѣтромъ съ юга,
Дрогнулъ царскій садъ кругомъ,
И надъ нимъ, крутясь столбомъ,
Вихорь всталъ зловѣщей тучей,
Поднимая прахъ летучій,
Вкругъ царицу обхватилъ,
Поднялъ къ верху, закружилъ
И мгновенно съ ней умчался; —
Только въ вихрѣ раздавался
Надъ землей, пугая всѣхъ,
Женскій крикъ и злобный смѣхъ

Колдуна и чародѣя,
Смѣхъ Безсмертнаго Кощея.

Царь пріѣхалъ черезъ часъ...
„Что жъ, не хочетъ, видно, насъ
Встрѣтить нѣжная супруга?
Гдѣ она?“ Но отъ испуга
Молча дворъ предъ нимъ стоитъ:
Царь былъ лютъ, когда сердитъ.
Видитъ онъ — блѣдны всѣ лица...
— „Говорите, гдѣ царица?
Иль случилась здѣсь бѣда?“
Онъ былъ гнѣвенъ, но когда
Онъ узналъ отъ няньки вѣрной,
Что кудесникъ лицемѣрный
Взялъ царицу и увлекъ,
Царь печали скрыть не могъ:
Рухнулъ на землю онъ съ плачемъ,
Волю давъ слезамъ горячимъ.

Царь тоскуетъ день и ночь.
— „Я берусь тебѣ помочь
И опять въ твою свѣтлицу
Привезу, отецъ, царицу!“
Старшій сынъ такъ говорилъ.
Царь его благословилъ
Да совѣтами наставилъ
И на поиски отправилъ.
Ждалъ онъ сына, поджидалъ,

Сынъ же безъ вѣсти пропалъ.
Царь грустить и день и ночь...
„Я берусь тебѣ помочь!" —
Сынъ второй къ царю явился:
„Царь мой, батюшка, рѣшился
Я царицу отыскать
И къ тебѣ вернуть опять."
Царь его благословляетъ
И въ дорогу отправляетъ.
Ждетъ онъ, ждетъ двухъ сыновей,
Но все нѣтъ отъ нихъ вѣстей.
Младшій сынъ къ царю приходитъ
Рѣчь такую съ нимъ заводитъ:
„Оттони кручину прочь,
Я берусь тебѣ помочь.
И опять верну въ столицу
Нашу матушку-царицу."
Царь даетъ такой отвѣтъ:
— „Двухъ дѣтей моихъ ужъ нѣтъ,
Если жъ третьяго лишуся,
То совсѣмъ я разгрущуся.
Просто въ гробъ ложись тогда."
— „Нѣтъ, царь-батюшка, когда
Мнѣ не дашь благословенья,
Я пойду безъ позволенья,
За царицей въ дальній путь."
Царь лишь только могъ вздохнуть,
Поднялся съ постели рано,
И Царевича-Ивана,

Зарыдавъ, благословилъ
И въ дорогу отпустилъ.

Царскій сынъ въ конюшнѣ свищетъ
И коня лихова ищетъ:
„Иль коня нѣтъ для меня?"
На любаго онъ коня
Руку мощную наложитъ,
Конь руки снести не можетъ
И ложится, словно снопъ.
Царскій сынъ нахмурилъ лобъ:
Безъ коня плохое дѣло! —
Но впередъ пошелъ онъ смѣло
И вошелъ въ дремучій лѣсъ;
Лишь одинъ клочекъ небесъ
Видѣнъ былъ сквозь чащу бора...
Вотъ предъ нимъ поляна скоро
Показалась межъ вѣтвей
И изба стоитъ на ней,
И стоитъ на курьихъ ножкахъ,
Свѣту нѣтъ въ ея окошкахъ,
Тѣмь и глушь одна кругомъ...
— „Стань ко мнѣ ты передомъ,
Задомъ стань къ лѣсной опушкѣ!"
Крикнулъ царскій сынъ избушкѣ,
И послушалась изба,
Какъ покорная раба.
Вотъ Царевичъ въ избу входитъ
И старуху въ ней находитъ:

F. Teichel.

Сѣвши въ темный уголокъ,
Ноги прямо въ потолокъ
Подняла яга-старуха,
И сказала гостю глухо:
„Чую, чую, русскій духъ!...
Здѣсь о немъ пропалъ и слухъ,..
А теперь онъ входитъ смѣло.
Иль лыняешь ты отъ дѣла,
Или, добрый молодецъ,
Дѣла ищешь, наконецъ?
Что, тебѣ, Царевичъ надо?
Угодить тебѣ я рада...“
— „Коли рада, такъ коня
Отыщи ты для мёня,
Богатырскаго, лихаго..“
Ей Царевичъ молвилъ слово.
И предъ бабою-ягой
Бросилъ перстень дорогой.
„Ну, Иванъ Царевичъ, въ дружбу
Сослужу тебѣ я службу!
Спрячь свой царскій перстенёкъ,
Талисманъ въ немъ скрытъ, дружокъ:
Къ двери онъ едва коснется,
Дверь тотчасъ же распахнется.
Перстенечекъ твой таковъ,
Что запоровъ и замковъ
Съ нимъ не долженъ ты бояться.
Можешь въ путь теперь сбираться,
И коня себѣ найдешь,

Коль клубочекъ мой возьмешь.
Побѣжитъ онъ по дорогѣ
Чрезъ бугры и черезъ логи,
Ты жъ, за нитку ухватясь
И обмана не боясь,
За клубкомъ моимъ иди
И въ лѣсу за нимъ слѣди,
Если жъ станетъ онъ на мѣстѣ, —
Стань и ты съ клубочкомъ вмѣстѣ,
Гдѣ онъ сталъ, тамъ яму рой,
Въ подземелье входъ открой,
А потомъ войдешь въ палаты,
Гдѣ отыщешь скакуна ты...
Ну, Иванъ Царевичъ, вотъ
Твой клубочекъ и — въ походъ."

Вновь Царевичъ въ лѣсъ вступаетъ
И клубокъ впередъ пускаетъ: —
И, какъ маленькій звѣрокъ,
Побѣжалъ въ травѣ клубокъ,
То въ кустахъ, порой, терялся
То опять предъ нимъ являлся,
На тропинку вдругъ попалъ
И смѣлѣе поскакалъ.
Въ небесахъ почти стемнѣло...
За клубкомъ ужъ надоѣло
Лѣсомъ витязю идти,
Вдругъ онъ видитъ: на пути
Передъ камнемъ, возлѣ ели,

Сталъ клубокъ, достигнувъ цѣли.
Камень бѣлый былъ великъ,
Но его въ единый мигъ
Богатырь отъ ели сдвинулъ,
Волоса назадъ откинулъ
И, чтобъ время не терять,
Началъ землю разрывать.
Рылъ онъ часъ, по крайней мѣрѣ,
Вдругъ предъ нимъ открылись двери
На запорахъ и крючкахъ,
На двѣнадцати замкахъ.
Но едва дверей коснулся
Чудный перстень, — распахнулся
Въ подземелье темный ходъ,
И Царевичъ внизъ идетъ,
Гдѣ двѣнадцатью цѣпями.
Межъ двѣнадцатью столбами,
Конь закованъ и храпитъ,
И ногами бьетъ въ гранитъ;
Машетъ гривой онъ и пышетъ,
Богатырскій посвистъ слышитъ,
Рветъ желѣзо всѣхъ оковъ,
И къ царевичу на зовъ
Съ громкимъ ржаніемъ примчался.
Имъ Царевичъ любовался,
И на борзомъ скакунѣ,
Самъ во шлемѣ и въ бронѣ,
Полный силы и веселья,
Ускакалъ изъ подземелья.

Слышенъ въ полѣ звонъ копытъ, —
Мѣсяцъ на небѣ стоитъ
И за всадникомъ мелькаетъ,
И гигантски выростаетъ
Тѣнь коня и сѣдока...
Призадумался слегка
Смѣлый витязь: „гдѣ тутъ ѣхать?
Гдѣ жильё Кощея? Мнѣ хоть
Въ адъ спуститься...“ — „Погоди!“
Вдругъ онъ слышетъ назади:
„Стой, Царевичъ мой любезный!“...
Въ ступѣ — видитъ онъ — желѣзной,
Въ костяной рукѣ съ пестомъ,
Слѣдъ сметая помеломъ,
Мчится сзади съ страшной силой!
Яга-баба... — „Ну, мой милый!
Ты послушался меня
И нашелъ себѣ коня.
Дамъ еще совѣтъ тебѣ я:
Знаю, ищешь ты Кощея, —
Путь-дорога далека,
И безъ новаго клубка
Не найти тебѣ горы той,
Гдѣ волшебникъ знаменитый
Двухъ красавицъ стережетъ...
Вотъ клубочекъ: приведетъ
Онъ тебя къ горѣ проклятой,
Гдѣ стоитъ дворецъ богатой,
Гдѣ Кощей чужихъ невѣстъ

Собираетъ съ разныхъ мѣстъ"...
— Ладно, бабушка! Спасибо!
Либо сгибну тамъ я, либо
Дамъ себя Кощею знать... —
Но Яга уже опять
Ступу далѣе погнала,
Слѣдъ метлою заметала,
И пропала безъ слѣда,
Поспѣша, Богъ вѣсть, куда.

Вновь одинъ Царевичъ въ полѣ...
Ѣхалъ долго-ль, коротко-ли,
Но клубокъ его опять
Въ лѣсъ завелъ... Зги не видать...
Мѣсяцъ спрятался за тучей...
Словно мертвый, лѣсъ дремучій,
И касались до лица,
Будто руки мертвеца,
Вѣтви сосенъ колосальныхъ.
Вмѣсто стоновъ погребальныхъ
Раздавался крикъ совы...
Вотъ русалка изъ травы
Поднялася и хохочетъ,
И манитъ она и хочетъ
Въ омутъ витязя увлечъ,
И съ ея открытыхъ плечъ,
Зеленѣй травы весною,
Косы падаютъ волною; —
Но впередъ спѣшитъ ѣздокъ

И ведетъ его клубокъ.
Вотъ въ лѣсу гогочетъ лѣшій.
Кто бы ни былъ — конный, пѣшій —
Лѣшій разомъ обойдетъ
И съ пути его собьетъ;
Онъ Царевича пугаетъ
И съ пути его сбиваетъ,
Но впередъ спѣшитъ ѣздокъ —
И ведетъ его клубокъ.

Въ небѣ звѣзды потускнѣли,
Въ небѣ тучи заалѣли,
Зарумянилась заря,
Какъ, порой, у алтаря
Рдѣетъ скромная невѣста...
Вдругъ клубочекъ сталъ — ни съ мѣста.
Витязь смотритъ: конченъ лѣсъ
И — о, чудо изъ чудесъ! —
Предъ собою видитъ гору; —
Только сернѣ развѣ въ пору
По горѣ такой скакать, —
На горѣ той распознать
Можно замокъ съ рядомъ башенъ,
Подъ горой же столбъ, украшенъ
Золоченымъ былъ щитомъ;
На щитѣ прибитомъ томъ
Надпись есть: „кто вверхъ доскачетъ,
Тотъ и въ замкѣ будетъ, значитъ."

— „Ну-ка, добрый конь, меня
Выручай теперь!“ Коня
Богатырь впередъ пускаетъ,
Гаркнулъ, свистнулъ — и взлетаетъ
На вершину той скалы,
Гдѣ огромные орлы
Охраняли дверь надъ бездной,
И ихъ страшный клювъ желѣзный
Словно ждалъ къ себѣ костей
Всѣхъ непрошенныхъ гостей.
— „Ну вы, птицы, сторонитесь!“
Двѣ стрѣлы пустилъ въ нихъ витязь.
И хоть каждая стрѣла
Прямо врѣзалась въ орла,
Но орлы лишь наклонились
И въ гигантовъ обратились.
„Вмѣсто птицы — великанъ!“
Удивился царь-Иванъ:
„Какъ изъ птицъ людьми вы стали?“
Великаны отвѣчали:
„Ты, Иванъ-Царевичъ, насъ
Отъ неволи долгой спасъ.
Родились мы не орлами,
Родились богатырями,
Далъ Кощей намъ птичій видъ
И давно насъ здѣсь моритъ,
И надъ нами заклинанье
Сдѣлалъ онъ: „отъ наказанья
Васъ спасти бы лишь могла

Богатырская стрѣла".
Ты принесъ намъ жизнь обоимъ,
Мы тебя не встрѣтимъ боемъ,
Но совѣтъ одинъ дадимъ:
Лучше вмѣстѣ убѣжимъ
Отъ дворца, гдѣ ужъ не мало
Душъ крещеныхъ погибало...
Берегись! здѣсь все обманъ!"
Но Царевичъ, смѣлъ и рьянъ,
Кверху перстень поднимаетъ,
Въ двери перстень нажимаетъ: —
Отъ воротъ слетѣлъ запоръ,
Двери настежь, и во дворъ
Въѣхалъ онъ, и видитъ чудный
Садъ, зеленый, изумрудный,
Гдѣ въ цвѣтахъ ростутъ плоды,
И въ кристальные пруды
Бьютъ жемчужные фонтаны,
На вѣтвяхъ сидятъ фазаны,
Птицы райскія поютъ,
А по саду вкругъ бѣгутъ
Золотистыя дорожки,
И на нихъ слѣдъ ножки-крошки
Смѣлый витязь различилъ:
„Кто бы это здѣсь ходилъ?"
Вотъ съ коня Царевичъ сходитъ,
По дорожкамъ сада бродитъ,
По слѣдамъ идетъ впередъ,
И въ тѣнистый входитъ гротъ.

На скамьѣ сидитъ дѣвица,
Словно на небѣ денница, —
И свѣтла и хороша....
— „Кто ты, дѣвица-душа?
Много звѣздъ на небѣ ясныхъ,
Много есть цвѣтовъ прекрасныхъ,
Но всѣ звѣзды и цвѣты
Поблѣднѣть заставишь ты“.
Со скамьи дѣвица встала
И Царевичу сказала:
„Далеко, за синемъ моремъ
Я жила, не зная съ горемъ,
Въ крѣпкомъ, царскомъ терему,
Вмѣстѣ съ батюшкой; ему
Я была одна отрада
И забава и награда.
Царь-отецъ меня ласкалъ
И, какъ куклу, наряжалъ,
Но бѣда пришла весною:
Разъ Кощей плѣнился мною,
Сжегъ до тла весь нашъ дворецъ,
Гдѣ погибъ мой царь-отецъ,
А меня Кощей съ собою,
Взялъ, и вотъ его рабою
Я сижу здѣсь цѣлый годъ,
Плачу ночи на пролётъ.“

— „Не тужи, царевна, много
И надѣйся лишь на Бога,

Да скажи мнѣ поскорѣй:
Не сюда-ль принесъ Кощей
Нашу матушку-царицу?“

— „Въ башню, въ мрачную темницу
Онъ царицу посадилъ
И царицѣ свѣтъ не милъ,
Лишь ломаетъ бѣлы-ручки...
Самъ Кощей теперь въ отлучкѣ,
Но вернется нынче въ ночь...
Ахъ, Иванъ Царевичъ, прочь
Уѣзжай-ка ты отсюда,
А не то вѣдь будетъ худо:
Самъ Кощей и лютъ и золъ, —
Кто хоть разъ сюда вошелъ,
Тотъ отсюда не вернется“...
Но Царевичъ лишь смѣется,
И идетъ онъ къ башнѣ той,
Гдѣ въ темницѣ запертой
Плачетъ бѣдная царица,
Перстень поднялъ и — темница
Отворилась безъ ключа.
Радость встрѣчи горяча
У Царевича съ царицей,
Истомленной, блѣднолицей.
Сынъ царицу утѣшалъ
И избавить обѣщалъ
Отъ волшебныхъ чаръ и власти:
„Минутъ скоро всѣ напасти

H. Teichel

И къ царю и въ свой дворецъ
Мы вернемся наконецъ."

Незамѣтно день проходитъ.
Богатырь по саду бродитъ
И съ царевной говоритъ:
„Отчего печаленъ видъ
У тебя, краса-дѣвица!
Горе въ жизни — небылица,
Не всегда бѣда — страшна,
За зимой идетъ весна.."
А красавица сказала:
„За тебя мнѣ грустно стало,
Что отсюда ты нейдешь
И домой Кощея ждешь,
Надъ собою бѣды не чуя...
Но, послушай, научу я,
Какъ Кощея провести
И себя и насъ спасти.
Только онъ помчится въ гору,
Обращу тебя въ ту пору
Я въ желѣзную иглу,
И воткну ее въ углу.
Если любишь — не откажешь,
А потомъ „спасибо" скажешь..."
Отказать не могъ ей онъ, —
И въ иголку обращенъ
Былъ Иванъ — Царевичъ на ночь.

Что не вихорь — ураганычъ
Въ полночь на гору летитъ,
То Кощей домой спѣшитъ,
Пыль до облака вздымаетъ,
И свѣтёлку посѣщаетъ,
Гдѣ царевна у окна
Ночь и день не знаетъ сна.
„Фу! здѣсь пахнетъ русскимъ духомъ!
Прежде русскій духъ по слухамъ
Былъ извѣстенъ только намъ,
А теперь пришелъ къ намъ самъ!“
Говоритъ Кощей въ свѣтёлкѣ,
Слыша запахъ отъ иголки.
А ему отвѣтъ даетъ
Красна-дѣвица: „Ну, вотъ!
Самъ по Руси ты скитался,
Духу русскаго набрался,
Ну, и чудится кругомъ.“
И къ волшебнику потомъ
Начала она ласкаться,
Стала ловко добиваться:
„Объясни мнѣ, не тая,
Въ чемъ таится смерть твоя?“
Хитрость онъ ея замѣтилъ;
И нарочно ей отвѣтилъ:
„Подъ порогомъ, въ голикѣ“,
И тотчасъ въ пуховикѣ
Онъ уснулъ; межъ тѣмъ царевна,
На него взглянувши гнѣвно,

Въ печку бросила голикъ,
Но — остался живъ старикъ.
Утромъ вновь она ласкалась,
У Кощея добивалась:
„Объясни мнѣ, не тая,
Гдѣ таится смерть твоя?“
Лгать Кощею стало любо:
— „Въ чистомъ полѣ есть три дуба.
Среднiй дубъ съ дупломъ стоитъ,
А въ дуплѣ червякъ лежитъ,
Раздавить его кто можетъ,
Тотъ и въ гробъ меня уложитъ.“
И съ большой горы своей
Улетѣлъ опять Кощей.

— „Ну, Иванъ — Царевичъ, смѣло
Принимайся ты за дѣло.
Коль Кощей мнѣ не солгалъ,
Онъ на вѣкъ теперь пропалъ.
Отыщи же червяка мнѣ,
Раздави его на камнѣ,
И вернись скорѣй назадъ.“
Дѣлу былъ царевичъ радъ,
Онъ коня себѣ сѣдлаетъ,
Въ чисто-поле выѣзжаетъ,
И добиться червяка
Хочетъ съ помощью клубка.
Къ тремъ дубамъ клубокъ приводитъ,
Богатырь дупло находитъ,

Червяка въ немъ изловилъ
И тотчасъ же раздавилъ,
А потомъ поѣхалъ въ гору
И какъ разъ вернулся въ пору:
Лишь успѣлъ опять въ иглу
Обратиться онъ въ углу,
Какъ Кощей въ свой домъ примчался
И въ свѣтлицѣ показался.
Въ третій разъ его ласкать
Стала дѣвица опять,
Словно змѣйка увивалась,
У Кощея добивалась:
„Разскажи мнѣ, не тая,
Гдѣ таится смерть твоя?“
Лгать Кощей ужъ не желаетъ,
И по правдѣ отвѣчаетъ:
— „Есть, царевна, океанъ,
Тамъ-то островъ есть Буянъ,
На Буянѣ — дубъ маститый,
А подъ дубомъ — ящикъ скрытый,
Заяцъ въ ящикѣ лежитъ,
Въ зайцѣ селезень сокрытъ,
А у селезня яичко,
То яичко — не величко,
Но его кто разобьетъ,
Тотъ и смерть мнѣ принесетъ.“

Утромъ снова темной тучей
Улетѣлъ Кощей могучій.

„Ну, Иванъ, — Царевичъ будь
Ты готовъ въ далекій путь!“
Говоритъ ему дѣвица:
„Стану я, какъ и царица,
У окна весь день стоять,
И тебя съ яичкомъ ждать.
Привезешь его ты къ мѣсту, —
И во мнѣ найдешь невѣсту,
И съ царицей и со мной
Ты поскачешь въ край родной.“

Въ полѣ пыль столбомъ клубится,
На конѣ царевичъ мчится,
Бѣлой пѣной конь покрытъ,
Паръ густой надъ нимъ стоитъ,
Но ѣздокъ не отдыхаетъ,
Хоть давно съ конемъ не знаетъ
Ни питья онъ, ни ѣды...
Въ полѣ капли нѣтъ воды,
По дорогѣ нѣтъ жилища,
Гдѣ достать бы можно пищи.
Голодъ чувствуетъ ѣздокъ.
Вдругъ ему на встрѣчу волкъ:
Лукъ царевичъ вынимаетъ
И стрѣлу приготовляетъ,
Хочетъ волка застрѣлить,
Волкъ же началъ говорить:
„Отпусти меня! Быть можетъ,
Сѣрый волкъ тебѣ поможетъ.“

Витязь волка не убилъ
И на волю отпустилъ.
Ѣдетъ дальше, видитъ — воронъ.
„Что жалѣть? извѣстный воръ онъ“, —
Хочетъ въ ворона стрѣлять,
Онъ же началъ умолять:
„Отпусти меня! Быть можетъ
Воронъ витязю поможетъ!“
Витязь ворона не билъ
И на волю отпустилъ.
Къ морю витязь подъѣзжаетъ,
Вдругъ на берегъ выплываетъ
Щука прямо на песокъ.
Сходитъ съ лошади ѣздокъ
И подходитъ близко къ щукѣ:
— „Ну, теперь попалась въ руки!
Можно мнѣ уху сварить...“
Щука-жъ стала говорить:
„Отпусти меня! Быть можетъ,
Щука витязю поможетъ“.
Витязь рыбы не словилъ
И на волю отпустилъ.

Скоро въ морѣ-океанѣ
И на островѣ Буянѣ
Очутился царскій сынъ.
Вотъ и дубъ, какъ исполинъ,
Предъ царевичемъ открылся,
И подъ нимъ тотчасъ пустился

Витязь ящикъ отрывать.
Вырылъ яму сажень въ пять,
Вынулъ ящикъ и — о, чудо! —
Зайца выпустилъ оттуда.
Заяцъ бросился бѣжать: —
Какъ теперь его поймать?
Тутъ царевичъ испугался,
Вдругъ откуда волкъ не — взялся,
На бѣгу сбилъ зайца съ ногъ,
И къ царевичу привлекъ.
Тотъ вцѣпился зайцу въ ухо,
Распоролъ у зайца брюхо,
И, лишь руку протянулъ,
Къ верху селезень вспорхнулъ.
Витязь лукъ свой вынимаетъ,
Калену-стрѣлу пускаетъ,
Да знать вѣрная стрѣла
Поздно пущена была.
Вдругъ явился черный воронъ,
Прилетѣлъ изъ дальнихъ горъ онъ,
Быстро селезня настигъ
И принесъ въ единый мигъ
Птицу къ витязю обратно. —
Вновь царевичу пріятно, —
Птицу въ руки онъ беретъ,
Въ ней яичко достаетъ,
Съ нимъ идетъ на берегъ моря,
Чтобъ обмыть его и — горе! —
Уронилъ, и вдругъ оно

Въ море кануло на дно.
Сыну царскому взрустнулось...
Въ это время всколыхнулась
Океана глубина,
Щука выплыла со дна,
Яйцо она приноситъ,
За него наградъ не проситъ,
И уходитъ вновь опять
Въ море синее гулять.

Съ дорогой находкой вмѣстѣ
Не спѣшитъ, летитъ къ невѣстѣ
Богатырь лихой назадъ
И яичко, словно кладъ,
Бережетъ въ своемъ карманѣ.
Вотъ видна уже въ туманѣ
Съ замкомъ страшная гора.
Доскакалъ онъ до двора
И взглянулъ на то окно,
Гдѣ его ужъ ждутъ давно.

Долго, долго до полночи,
Не смыкалъ онъ ясны-очи
И съ царевной говорилъ,
Что онъ видѣлъ, гдѣ онъ былъ,
Какъ яичка доискался....
Вдругъ обычный шумъ раздался:
То домой къ себѣ опять
Чародѣй вернулся спать.

Обращенъ былъ вновь въ иголку
Нашъ Царевичъ и въ свѣтёлку,
Какъ гроза, суровъ и золъ,
На покой Кощей вошелъ:
— „Фу! здѣсь пахнетъ русскимъ духомъ!
Прежде русскій духъ по слухамъ
Былъ извѣстенъ только намъ,
А теперь пришелъ къ намъ самъ!
Гдѣ тутъ, гдѣ тутъ русскій спрятанъ?"
И кругомъ бросаетъ взглядъ онъ,
А ему отвѣтъ даетъ
Вновь красавица: „Ну, вотъ,
Самъ по Руси ты скитался,
Духу русскаго набрался,
Вотъ и чудится все Русь!.."
— „Ну, прощай! Я спать ложусь!
Что-то больно въ поясницѣ."
Говоритъ Кощей дѣвицѣ,
А Царевичъ не дремалъ
И яичко нажималъ
И съ яичкомъ показался
Предъ Кощеемъ: — Что! попался?
Будешь красть чужихъ ты женъ?"
Ошеломленъ, пораженъ,
Задрожалъ Кощей, взмолился,
Прямо въ ноги повалился:
„Пощади, не убивай!
Годъ одинъ пожить мнѣ дай!"
Но Царевичъ не внимаетъ,

Разомъ объ полъ разбиваетъ
Онъ яичко и глядитъ:
Словно молніей убитъ,
Палъ Кощей змѣей безъ жала
И — волшебника не стало.

Посадивъ на жеребца
И прекрасную царицу
И красавицу-дѣвицу,
Изъ проклятаго дворца,
Витязь тотчасъ же умчался,
До конца горы добрался
И увидѣлъ той порой
Онъ двухъ братьевъ подъ горой.
— „Что тутъ дѣлаете, братцы?
Въ гору вамъ ужъ не взобраться,
Да и дѣла тамъ ужъ нѣтъ:
Самъ Кощей покинулъ свѣтъ,
А красавицу-царицу
И невѣсту молодицу
Я везу домой къ отцу...
Все пришло теперь къ концу
И намъ нужно торопиться
Вмѣстѣ въ край нашъ воротиться.“

Братья двинулись назадъ,
Братья злость свою таятъ,
Участь брата имъ завидна,
За себя самихъ обидно.

F. Teichel

Впереди ихъ братъ летитъ,
Вдругъ царица говоритъ:
„Ахъ, Царевичъ, въ подземельѣ
Я забыла ожерелье,
Царь его мнѣ подарилъ
И беречь всегда сулилъ...
Что теперь я дѣлать буду?“
— Я сейчасъ его добуду,
Мнѣ не нужно и коня.
Подождите здѣсь меня.“
И Царевичъ въ путь пустился;
Безъ коня онъ долго бился,
Чтобы на гору взойти:
Пять часовъ прошло въ пути.
Наконецъ онъ въ подземельѣ
Взялъ царицы ожерелье,
Да колчанъ забытый взялъ
И съ горы спускаться сталъ.

Наконецъ онъ внизъ спустился
Оглянулся и дивился:
„Обманули знать меня!
Нѣтъ ни братьевъ, ни коня,
Ни красавицы-царицы
Ни невѣсты молодицы.“
Сталъ печаленъ царскій сынъ
И пошелъ впередъ одинъ.
Шелъ онъ долго-ль, коротко-ли,
Попадалъ изъ лѣса въ поле,

Изъ полей опять въ лѣса,
Гдѣ встрѣчались чудеса;
Наконецъ, вотъ край родимый.
Вотъ и городъ тотъ любимый
Гдѣ построенъ ихъ дворецъ,
Гдѣ живетъ его отецъ.
Подошелъ къ одной избушкѣ
Нашъ Царевичъ, у старушки
Попросился ночевать,
Сталъ съ старушкой толковать:
Нѣтъ-ли новостей въ ихъ царствѣ,
Въ православномъ государствѣ?
И старуха начала:
(Говорливая была!)
„Было, дитятко, здѣсь дѣло.
Здѣсь у всѣхъ душа болѣла,
Какъ Кощей держалъ въ плѣну
Государеву жену;
Одолѣла всѣхъ кручина,
Какъ ее три царскихъ сына
Вдругъ отправились искать.
Лишь двоимъ изъ нихъ опять
Удалось попасть въ столицу
И найти свою царицу,
А Иванъ, ихъ младшій братъ
Не вернулся къ намъ назадъ
И разлукою съ нимъ очень
Добрый царь нашъ озабоченъ.
А Царевичъ старшій, слухъ

T. Teichel

Здѣсь прошелъ между старухъ —
Взялъ себѣ невѣсту гдѣ-то;
Говорятъ, какъ солнце лѣта
Грѣетъ всѣхъ царевны взглядъ.
Свадьба будетъ, говорятъ,
Завтро утромъ... Ну, мой милый!
Лягъ уснуть, сберися ты съ силой...
Чай съ дороги хочешъ спать?
Вонъ, ужъ начало свѣтать."

День весенній возродился;
Цѣлый городъ оживился,
Изо всѣхъ его угловъ
Слышенъ звонъ колоколовъ
И по улицамъ народъ
Веселится и поетъ.
Весь дворецъ блеститъ заранѣ;
Въ подвѣнечномъ сарафанѣ
Вся въ цвѣтахъ и жемчугахъ
Ждетъ невѣста, вся въ слезахъ,
Что сейчасъ къ вѣнцу съ немилымъ
Съ женихомъ ея постылымъ
Повести ее должны, —
Вдругъ средь общей тишины,
Двери настежъ отворились,
Гости разомъ разступились
И негаданно средь ихъ
Настоящій сталъ женихъ:
Громко вскрикнула невѣста;

Царь сойти не можетъ съ мѣста
И не вѣритъ онъ глазамъ:
То Иванъ Царевичъ самъ
Передъ всѣми очутился.
Царь отъ счастья прослезился,
Отгадавши въ тотъ же часъ
Кто ему царицу спасъ,
И что старшіе два сына
Были злу всему причина.
Онъ глазами ихъ искалъ,
Но отъ нихъ и слѣдъ пропалъ:
Братья такъ перепугались,
Что въ колодязь побросались,
И оттуда чуть живыхъ
Баба вытащила ихъ.
Царь на радостяхъ простилъ ихъ,
А на свадьбѣ дѣтокъ милыхъ,
Имъ полъ-царства подарилъ.
Я на свадьбѣ тоже былъ
И такой веселой свадьбы
Могъ я многимъ пожелать бы.

ШКОЛА

2007054919